

БЕГЛЫЕ КРЕСТЬЯНЕ КНЯЗЯ А. М. ЧЕРКАССКОГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

К. Н. ЩЕПЕТОВ

В 30—50-х годах XVIII в. бегство крепостных крестьян принимало угрожающие для помещичьего хозяйства размеры¹.

Обращают на себя внимание массовые побегі крестьян из вотчин князя А. М. Черкасского. В 1727 г. А. М. Черкасский просил сенат принять меры против его беглых крестьян. В челобитной он писал о них: «...в прошлых разных годах бежав, переселились своевольно в разных уездах не ведомо на каких землях и оные без его ведома покупали земли на его имя и донныне живут в тех местах, а ему никаких доходов не платят и донныне теми крестьянами и землею он не владел»². В 1732 г. сенат вынес постановление организовать следственную комиссию по сыску беглых крестьян князя А. М. Черкасского. Материалы этой следственной комиссии и легли в основу данного очерка. Особую ценность представляют 4 книги расспроса беглых крестьян. Они дают возможность установить количество беглых крестьян, откуда и куда они бежали, условия их жизни в бегах и насильственное выселение³.

Князь А. М. Черкасский был одним из крупнейших феодалов. Согласно табели раздела 38 земельных владений отца его в 1713 г. 25 основных перешло к нему. В них было 6840 крестьянских дворов, 38 172 дес. земли в пользовании крестьян, 1900,5 дес. десятинной пашни, под сеном — 3206 дес., всего — 43 258,5 дес.

В дальнейшем земельные владения князя А. М. Черкасского увеличивались⁴. К середине XVIII в. количество крестьян обоого пола в вотчинах князя А. М. Черкасского составляло 70 000⁵. В первой половине XVIII в. крестьяне вотчин нечерноземной полосы, как и в XVII в., платили денежный оброк, который все время повышался (в среднем по сравнению с 10—20-ми годами оброк вырос к 50-м годам в два, а по некоторым вотчинам — в три раза)⁶.

На барщине оставались подмосковные вотчины А. М. Черкасского. Тяжесть барщины усиливалась⁷. Десятинная пашня князя расширялась за счет крестьянской земли⁸. Сама же барщинная работа была точно регламентирована наказом князя А. М. Черкасского от 1719 г. (глава 9, пункты 1—10)⁹. Все распоряжения самого князя и домовый канцелярии были направлены на то, чтобы рабочий день крестьян был предельно уплотнен¹⁰.

Тяжелым бременем ложились на крестьян столовые запасы¹¹, собираемые для удовлетворения потребностей господского хозяйства и для

¹ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50 гг. XVIII в., М., 1958, стр. 113.

² ЦГАДА, ф. 324, д. 5, л. 1.

³ Там же, лл. 1—4.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 12, д. 576, л. 1; д. 577, лл. 1, 2; д. 372, лл. 1, 6, 13; оп. 6, д. 835, лл. 2—5; см. также К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, М., 1947, стр. 338.

⁵ Н. Н. Павлов-Сильванский. А. М. Черкасский. Русский биографический словарь (Чаадаев — Швитков), СПб., 1905, стр. 183.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 5, д. 216, лл. 1—2.

⁷ См. К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 19.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 19, д. 34, л. 1.

⁹ И. Ф. Петровская. Наказ князя А. М. Черкасского приказчику села Маркова. «Исторический архив», т. 8, М., 1953, стр. 264—267.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 5, д. 827, лл. 4—9; д. 831, л. 2; оп. 3, д. 91, л. 3.

¹¹ ЦГАДА, ф. Шереметевых, д. 1, л. 156; ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 9, д. 1732, лл. 1—4.

«хлебного годового жалования» дворовых людей, которых по реестру 1743 г. значилось 242 человека¹².

Самой тяжелой натуральной повинностью крестьян была подводная. Тяжелы были для крестьян всевозможные мобилизации их на строительные работы, перевозки военного снаряжения, а также выполнение государственных повинностей. Рекрутская повинность была пожизненной, и взятые в рекруты крестьяне навсегда отрывались от семьи, дворы же их обычно оказывались пустыми¹³. Крестьяне, отправляемые на строительство С.-Петербурга в качестве лопатников, в большинстве своем не возвращались и умирали¹⁴.

Система эксплуатации крестьян и уклад вотчинного управления в вотчинах князя А. М. Черкасского были определены указанным выше наказом 1719 г. и дополнением к нему — инструкцией 1725 г.¹⁵. Статьи в них, касающиеся оброка, барщины и других повинностей крестьян, разработаны очень подробно, обстоятельно регламентированы частная жизнь крестьянина и его собственное хозяйство.

Тяжелые условия жизни заставляли крестьян обращаться к вотчиннику с многочисленными коллективными челобитьями¹⁵. Интересна челобитная 1737 г. крестьян Васильевской вотчины Суздальского у., где помимо общего усиления эксплуатации имело еще место господство «полномочных», т. е. зажиточных крестьян, которые на сходах держали в своих руках распределение тягл и действовали в своих интересах. «Полномочные» крестьяне, по словам челобитчиков, «облегчась» тяглами и вида их крайнюю скудость, нанимали их сиротскую землю «малою ценою», лишая их постепенно самой возможности вести крестьянское хозяйство. Крестьяне просили снять с них тягло и положить на других крестьян, «на которых тягла имелись в льготу»¹⁷.

В промышленных вотчинах также сказалось засилье зажиточных крестьян. Регламентация жизни крестьян в вотчинах Черкасских наказом 1719 г. и инструкцией 1725 г. сковывала хозяйственную деятельность зажиточных дворовладельцев и тяжело отражалась на положении остальных групп крестьян. Все это вызывало борьбу крестьянства, проявившуюся в массовом бегстве.

В наказе А. М. Черкасского 1719 г. четыре статьи 3-й главы были посвящены беглым крестьянам¹⁸. Самый характер этих статей — охрана имущества беглых крестьян (скота, хлеба, строений), льготы крестьянам, добровольно возвратившимся из бегов, применение наказания только за вторичный побег — говорят нам о том, что вотчинник всячески старался избежать этого бедствия и вернуть крестьян на прежнее место жительства. Судя по этим статьям бегство крестьян из вотчин князя А. М. Черкасского уже в начале XVIII в. приняло широкие размеры. Бежали крестьяне из вотчин Московской, Нижегородской, С.-Петербургской, Казанской губерний. В бегах находилось от 3,2 до 22,5% населения отдельных вотчин¹⁹.

Основная масса беглых крестьян направлялась на восток, в Казанскую и Воронежскую губернии, что вызвало беспокойство князя А. М. Черкасского и заставило его обратиться в сенат с просьбой принять меры против его беглых крестьян, «расспросить, кто их подгова-

¹² ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 3, д. 1183, лл. 1—16.

¹³ ЦГАДА, ф. Ревизские сказки и переписные книги, д. 2062, лл. 453—455.

¹⁴ Там же, д. 4331, лл. 156, 211; д. 4334, лл. 562—657.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 3, д. 93, лл. 1—9.

¹⁶ Там же, оп. 10, д. 798, лл. 1—2; д. 922, лл. 66—68.

¹⁷ Там же, оп. 5, д. 743, лл. 7, 8.

¹⁸ И. Ф. Петровская. Указ. соч., стр. 251—252 (ст. 14—17).

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 19, д. 44, л. 79; оп. 10, д. 515, лл. 7—8; ЦГАДА, Ревизские сказки, д. 95, лл. 160—181; Переписные книги по Суздальскому у., д. 4331, лл. 351—377; д. 4334, лл. 562—567. Ревизские сказки по Нижегородскому у., д. 2062, лл. 455—553, 317—372; Ревизские сказки, д. 2152, лл. 53—54.

ривал». В челобитной князь настаивал на высылке крестьян на прежнее место жительства и на разорении нынешних их жилищ, «дабы впредь пристанищ не было»²⁰.

В 1732 г. во главе следственной комиссии, организованной сенатом для сыска беглых крестьян А. М. Черкасского, был поставлен поручик гвардии Преображенского полка И. В. Зиновьев, которому была дана инструкция, включившая и пожелания князя. В 1734 г. Зиновьев доносил, что им было сыскано в Казанской и Воронежской губерниях 11 467 человек беглых крестьян, что составляло по отношению к общему количеству крестьян в вотчинах А. М. Черкасского 16,38% (см. табл. 1). Более

ТАБЛИЦА 1

Беглые крестьяне, сысканные в 1734—1735 гг.*

Откуда бежали	Количество крестьян			Куда бежали	
	м. п.	ж. п.	всего	в Казанскую губ.	в Воронежскую губ.
Из вотчин Нижегородской губернии					
Ворсма	2013	1931	3944	3033	911
Кадницы	144	119	263	263	—
Панино	1518	1343	2861	1584	1277
Павлово	405	299	704	497	207
Абрамово	260	260	520	515	5
Знаменское, Маресево	449	377	826	684	142
Итого:	4789	4329	9118	6576	2542
Из вотчин Московской губернии					
Иваново	49	36	85	62	23
Васильевское	35	23	58	52	6
Борисоглебское	98	85	183	31	152
Семьинское	198	177	375	368	7
Карачарово	284	290	574	76	498
Пруды	265	259	524	73	451
Вешняково	5	3	8	7	1
Марково	38	25	64	1	63
Новое	1	—	1	1	—
Итого:	973	899	1872	671	1201
Из вотчин Казанской губернии					
Ждамерово	259	218	477	—	—
Всего:	6021	5446	11 467	7611	3856

* ЦГАДА, ф. 324, д. 5, лл. 6, 7, д. 224.

всего беглых давала Нижегородская губерния. Основная масса беглых крестьян жила в Казанской губ., в сельце Знаменском, «Камышлейка тож» — 4849 человек, преимущественно крестьяне из Ворсманской и Панинской вотчин. 1511 человек разместилось в сельце Самодурихе, «Колонтай тож» (также главным образом крестьяне Ворсманской вотчины). В Воронежской губернии основная масса беглых крестьян сосредоточилась в Верхнеломском у. в сельце Никольском, «Поим тож» — 2121 человек, преимущественно из тех же двух вотчин Панинской и Ворсманской²¹.

Выселенные отсюда в 1754 г. беглые крестьяне вскоре снова возвратились в места своего бегства. Поручик Зиновьев опять был послан в Казанскую и Воронежскую губернии для сыска²². В результате в 1739 г. вторично было выслано из Казанской губернии 3054 человека, из

²⁰ ЦГАДА, ф. 324, д. 5, лл. 1—2.

²¹ Там же, д. 229.

²² Там же, лл. 2—3.

Воронежской — 2807. Перед высылкой подвергались наказанию как мужчины, так и женщины — главы крестьянских семей²³.

Упомянутые 4 книги расспросов беглых крестьян охватывают 46% беглых крестьян, подвергшихся сыску в 1732—1733 гг. (1241 крестьянский двор). По данным этих книг год бегства зафиксирован для 1194 крестьянских дворов. Бегство крестьян имело место еще в последние десятилетия XVII в. и продолжалось во все годы первой половины XVIII в. Некоторые крестьяне находились в бегах по 20—50 лет²⁴. Массовый характер бегство крестьян начало принимать с 1713 г. Нет сомнения, что бегство крестьян было организовано в сравнительно большом масштабе (об этом свидетельствуют факты одновременного побега в одно и то же место нескольких десятков дворов)²⁵. В 1723 г. беглый крестьянин Воронежской вотчины Н. А. Бабин на допросе показал, что к нему в с. Покровское Пензенского у., где он держал мельницу, приехала жена с детьми, а также крестьяне из 46 дворов с женами и детьми, ночевали у него одну ночь, а затем поехали в поселок Знаменский Симбирского у., где и поселились крестьянскими дворами. Через неделю и сам Бабин перебрался в этот поселок. Н. Бабин, видимо, был организующей рукой среди беглых крестьян²⁶. Среди беглых князя А. М. Черкасского были люди, которые умело могли провести крестьян через разные встречающиеся на пути города. При вторичном бегстве крестьяне зачастую составляли подложные указы, тщетно надеясь таким образом оправдать свои действия. В 1738 г. в поселке Зимницах Симбирского у. у беглого крестьянина Н. А. Синицына и в поселке Знаменском Верхоломского у. у беглого крестьянина С. Волкова были обнаружены два таких указа «о собрании беглых Его Сиятельства крестьян и о жительстве в тех поселках... за рукою Муромской вотчины села Карачарова крестьянина А. Фурсова»²⁷.

Тот факт, что 86,8% всех беглых крестьянских дворов непосредственно направлялись в определенные места Казанской и Воронежской губерний, говорит о том, что в этих местах их поселений были созданы благоприятные условия для жизни, хорошо известные крестьянам вотчин князя А. М. Черкасского. Условия жизни беглых крестьян остальных 165 крестьянских дворов были таковы: крестьяне 53 дворов нанимались на работу в разных местах у разных лиц (в том числе 18 в селах и деревнях у крестьян)²⁸, 47 дворов — жили у разных помещиков и работали наравне с их крестьянами, 19 дворов — жили в дворцовых и ясажных селах и несли повинности наравне с крестьянами этих сел и, наконец, крестьяне нескольких дворов занимались промыслами, а также арендой мельниц и торговлей. Естественно, что основная масса беглых крестьян из вотчин князя А. М. Черкасского устремлялась в Казанскую и Воронежскую губернии, где «оброков никому не платили и никто ими не владел и «господин их Его Сиятельство князь Алексей Михайлович ими не владел и доходов никаких с них не брал и работы никакой на него не работали»²⁹.

Особая группа крестьян в этих местах занималась приемом беглых и их расселением, заботилась о приобретении земли. Сначала крестьяне селились на земле своего господина, которая была ему пожалована в Верхоломовском у. по р. Поим³⁰, заняв ее всю, беглые крестьяне орга-

²³ ЦГАДА, ф. 324, д. 229, л. 181; д. 163, лл. 1—11.

²⁴ П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 100—101.

²⁵ ЦГАДА, ф. 324, д. 1, л. 568.

²⁶ Там же, д. 1, л. 937.

²⁷ Там же, д. 29, лл. 15—16.

²⁸ Там же, д. 1, лл. 218, 219, 465, 466; д. 2, лл. 495, 637, 668, 692, 733, 754; д. 3, лл. 943, 947, 617; д. 908.

²⁹ Там же, д. 1, л. 12.

³⁰ Там же, лл. 55, 70, 245, 250, 253, 1090.

низовали покупку земли у соседних помещиков и селились на купленной земле. Документы показывают, со сколькими трудностями была связана, например, покупка у помещика Веселовского в 1723 г. 75 четв. земли в одном поле за 130 руб. беглыми крестьянами Бедряевым, Сурковым и Дружковым³¹, которым приходилось уговаривать помещика, не один раз ездить к нему, ссылаться на согласие на эту сделку служителя их господина, причем крестьяне заплатили за землю дороже, чем предварительно договаривался за них с помещиком упоминавшийся уже мельник Н. Бабин. Крестьяне Ворсмской вотчины И. Торопов, Поздняков, Ширяев, Порезов подтвердили на следствии, что «поселок Знаменский поселен на купленной земле, которую покупали у помещика Веселовского крестьяне М. Репьев, Д. Андреев и Ф. Аркадьев»³². Порезов в своем показании утверждал, что эта земля куплена на собранные мирские деньги³³.

Земли покупались беглыми крестьянами и в других поселках Симбирского у. Земля в поселке Гусихе была куплена на мирские деньги у разных помещиков³⁴. О покупке земли в сельце Самодурихе беглыми крестьянами Ефимовым и Отроковым с товарищами крестьянин Ворсмской вотчины Ширяев рассказал на следствии: «Указу на покупку от господина их не было, а купили они тою землю сами собою и на оную землю вышеуказанные помещики дали им в Симбирске от крепостных дел купчую, которая ныне имеется у беглого крестьянина Федора Афанасьева»³⁵. В Керенском у. в сельце Ивановском, «Оржевка тож» земля была также куплена у помещика Шагаева беглыми крестьянами с. Панина Н. Леонтьевым и И. Никифоровым и с. Арати Арзамасского у. М. Максимовым и Д. Кондратьевым, «а крепость писалась в г. Керенске у крепостных дел на имя господина их Его Сиятельства князя Алексея Михайловича Черкасского... а в покупке той земли от господина их Его Сиятельства князя Алексея Михайловича показанным крестьянам Указу и повеления никакого не было, а купили они сами собою»³⁶. На купленной земле («на имя Его Сиятельства на зборные мирские деньги сами собою») селились крестьяне и в поселке Вострухине Керенского у.³⁷

Таким образом, по неполным данным, беглыми крестьянами было куплено 427,5 дес. земли. Стоимость ее была разной. В поселке Знаменском крестьяне платили за четверть земли в трех полях 1 руб. 70 коп., в с. Ивановское Керенского у. — менее 50 коп. Деньги, как указывалось выше, собирались с беглых крестьян: суммы, внесенные отдельными крестьянами за купленную землю, были разными: 10 алт., полтина, 1,5 руб. и даже до 5 руб. и зависели, с одной стороны, от состоятельности крестьян: внесший на покупку земли значительную сумму — 5 руб. крестьянин Ф. Исаков имел 5 лошадей и 2 коровы, а крестьянин Груздев, заплативший полтину, имел только 1 лошадь и 1 корову³⁸, с другой стороны, большие деньги брались с крестьян, поселившихся в поселке Знаменском, так как здешняя земля обошлась беглым крестьянам дороже, чем в других местах.

Таким образом, беглые крестьяне явились основателями двух вотчин: в Верхоломовском уезде — Поимской и в Симбирском у. — Знаменской. Беглые крестьяне князей Черкасских, наравне с беглыми дру-

³¹ Там же, л. 940.

³² Там же, лл. 14, 16, 38, 75, 199, 395.

³³ Там же, л. 33.

³⁴ Там же, д. 2, лл. 625, 636.

³⁵ Там же, л. 289.

³⁶ Там же, лл. 293, 409.

³⁷ Там же, д. 3, лл. 1001—1002; д. 4, лл. 918—919; см. также д. 3, л. 858.

³⁸ Там же, д. 1, лл. 513, 519, 590, 673, 720; д. 2, лл. 193, 196, 200, 289, 295, 298, 584, 586, 606, 625, 633, 663, 676; д. 3, лл. 828, 841, 1084; д. 4, л. 179.

гих помещиков, были первыми поселенцами и во многих других местах: в Симбирском у. — в деревнях Самодуровке, Колонтай, Зимнице; в Казанском у. — в д. Садиловке; в Пензенском у. — в с. Покровском, в Керенском у. — в с. Ивановском³⁹.

Таким образом, беглые крестьяне искали себе убежище прежде всего на расположенных близко к населенным местам «пустых» землях, где не было помещичьей власти.

В XVII в. крестьяне бежали из центра в Нижегородско-Армазаский край, тогда сравнительно слабо освоенный, в начале XVIII в. таким местом был Пензенско-Симбирский край.

Не все беглые крестьяне имели свое хозяйство. По данным 4 указанных книг расспроса из 1241 хозяйства 939 имели «пожитки» и 809 — посеы (см. табл. 2). В среднем на один крестьянский двор приходи-

ТАБЛИЦА 2

Количество хлеба, посеянного беглыми крестьянами в 1733 г. (в четв.)

Вотчины, откуда бежали	Селения, где жили в бегах	Число хозяйств	Четвертей						
			ржи	пшеницы	овса	гречи	ячменя	гороху	семян конопли
Ворсма	Поселки:								
	Знаменский	263	608,5	—	—	—	—	—	—
	Самодуриха	181	461	—	—	—	—	—	—
	Гусиха	14	40,5	—	—	—	—	—	—
	Зимницы	4	11	—	—	—	—	—	—
Итого:		462	1120	—	—	—	—	—	—
Панино	Сельцо Поим с поселками	180	65	56	96,5	12	1,5	1,5	1
Карачарово		78	25,5	—	—	—	—	—	—
Ждамерово		12	0,5	—	—	—	—	—	—
Пруды		55	51	—	—	—	—	—	—
Иваново		3	1,5	—	—	—	—	—	—
Васильевское		1	—	—	—	—	—	—	—
Борисоглебское		10	11,5	—	—	—	—	—	—
Марково		8	—	—	—	—	—	—	—
Итого:		347	154,5	56	96,5	12	1,5	1,5	1
Всего:		809	1276	56	96,5	12	1,5	1,5	1

лось лошадей 2,2, коров—0,74, овец—3,7, свиней—0,81. Нам неизвестно количество скота на двор в вотчинах, откуда бежали крестьяне князя Черкасского, но, например, у крестьян с. Кутукова Переяславль-Рязанского у. (владения барона П. П. Шафирова) на один крестьянский двор в 1723 г. приходилось: лошадей 2,3, коров — 1,0, овец — 6,7, свиней—4,4, при этом они должны были платить барину 100 руб. годового оброка и, кроме того, отдавать по окладу сукна сермяжного и холста посконного по 100 аршин, меда сырца — 10 пудов. По всей вероятности, на этих же крестьянах лежала и обработка помещичьей земли (135,5 четвертей в одном поле)⁴⁰.

Среди беглых были крестьяне разной состоятельности, владевшие одной лошадей и несколькими. Беднейших беглых крестьян с одной лошадей и отсутствием каких-либо других «пожитков» в поселке Знаменском насчитывалось 13, в поселке Самодурихе — 5, в поселке Гусихе — 3 (Симбирский у.), в сельце Поим Верхоломовского у. — 96. Таким беглым не оставалось ничего другого, как работать по найму. Вот как, например, беглый крестьянин Панинской вотчины И. Бубной,

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 11, д. 384, л. 1; ЦГАДА, ф. 324, д. 5, лл. 1—6.

⁴⁰ К. В. Сивков, Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в., М., 1951, стр. 293—298.

25 лет, на следствии в 1733 г. характеризовал свое положение: «бежал один и пришел в Верхоломовский у. в сельце Поим и привел его в то сельце господина его беглый крестьянин и по тому приему живет он в том сельце у всех господина своего крестьян в работниках и поныне — тому ныне 10 лет. Пожитков у него — лошадь одна, а больше ничего нет»⁴¹. В основном беглые крестьяне имели по 1—2 лошади. Но некоторые из них владели значительным количеством скота. Особенно много скота имел Н. Бабин: 10 лошадей, 6 коров, 6 свиней, 30 овец, 62 индейки. Крестьянин Ф. Феденин имел 9 лошадей, 4 коровы, 20 овец и 25 свиней, крестьянин К. Власов — 7 лошадей, 3 коровы, 15 свиней и целое стадо овец — 40 штук. Крестьянин А. Мокеев владел 10 лошадьми, 3 коровами, 15 овцами, 10 свиньями⁴².

Из табл. 2 видно, что посеянного хлеба у беглых крестьян, живших в Верхоломовском у., сравнительно мало. Следствие велось в сентябре, и, видимо, многие здешние крестьяне не уверены были, что они останутся на своих местах и не засеяли поля. В поселке Знаменском у 263 хозяйств в озимом поле было 304 дес. (в среднем на хозяйство — 1,15 дес.), в поселке Самодурихе на одно хозяйство приходилось 2,5 дес. (см. табл. 2). Следствие проводилось здесь в феврале — апреле месяцах. В то же время во владениях прокурора И. И. Отяева в Суздальском у. в 1723 г. на один крестьянский двор приходилось 1—2 дес. посевов. При этом крестьяне указанных деревень, естественно, должны были на вотчинника «пахать пашню 3 поля и всякую к тому присутствующую работу вместо оброка работать»⁴³.

У некоторых крестьян поселка Знаменского оставалось к февралю — апрелю много и немолоченого хлеба в овинах. Такой хлеб, но в меньшем количестве оставался и у беглых крестьян, живших в сельце Самодурихе. Обмолоченного хлеба (в четв.) в среднем на двор приходилось:

	В пос. Знаменском	В пос. Самодурихе
ржи	4,18	2,5
пшеницы	4,4	2,5
овса	1,2	2,5

Отдельные беглые крестьяне имели посевов от 3 дес. и выше (соответственно у них скапливались более значительные количества немолоченного зерна). Так, у Н. Бабина в пос. Знаменском было посеяно 5 дес. ржи, и в момент следствия у него насчитывалось обмолоченных 50 четв. ржи, 150 четв. пшеницы. У А. Поднякова, жившего там же, посеяно ржи 4,5 дес., ржи в зерне имелось 50 четв., пшеницы 30 четв.⁴⁴. Такие крестьяне несомненно могли использовать зерно для продажи.

Названные беглые крестьяне, имевшие значительные посевы и запасы зерна, — это одновременно и владельцы значительного количества лошадей и другого скота. Таким образом, несомненно, что из среды беглых крестьян и по количеству скота, и по количеству посевов выделялся зажиточный слой крестьянства, составлявший в отдельных поселках от 19 до 30% всего беглого крестьянства.

Отнеся крестьян, не имевших совсем или имевших 1 лошадь, к беднейшей группе, 2—3 лошади — к средней, 4,5 и более лошадей — к зажиточной, получим следующую картину (см. табл. 3, 4, 5).

Таким образом, в поселке Знаменском на 43,3% беднейших крестьян приходилось всего 13,9% лошадей, а на 10,3% зажиточных крестьян — 25,6% лошадей. В поселке Самодурихе на 31,0% беднейшего крестьянства приходилось 7,2% лошадей, а на 21,3% зажиточных крестьян — 25,6% лошадей.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 324, д. 3, л. 127.

⁴² Там же, д. 1, л. 952; д. 2, лл. 607, 617; д. 3, л. 159.

⁴³ К. В. Сивков. Указ. соч., стр. 318.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 324, д. 1, лл. 839, 942; см. также л. 262; д. 2, л. 607.

ян — 23,5% лошадей. Примерно такое же соотношение наблюдается в поселках Поим и Ивановском.

В зависимости от количества лошадей и хозяйство беглых крестьян было различным (см. табл. 3, 4, 5).

О степени хозяйственной обеспеченности крестьян с 1 лошадыю в поселке Знаменском говорят следующие показатели: на один такой двор приходилось коров — 0,3, мелкого скота — 1,0, молочного хлеба — 1,9 четв., немолоченого — 0,4 овина, в посеве в озимом поле — 0,4 четв.

ТАБЛИЦА 3

Количество скота в 1733 г. у беглых крестьян, живших в поселках Знаменском, Самодурихе, Богоявленском, Зимницах Казанской губ.

Место поселения	Группы беглых крестьян	Кол-ч. беглых крестьян	% к общему числу	Кол-ч. лошадей	% к общему числу	Кол-ч. коров	% к общему числу	Мелкий скот (свины, овцы)	% к общему числу
пос. Знаменский	Безлошадные и с 1 лошадыю	141	43,3	80	13,9	43	20,2	146	10,1
	С 2—3 лошадыми	152	46,0	351	60,5	119	54,7	880	54,8
	С 4 и 5 лошадыми	35	10,3	149	25,6	55	25,4	493	34,2
	Итого:	328	100	580	100	217	100	1439	100
пос. Самодуриха	Безлошадные и с 1 лошадыю	62	31,1	36	7,2	15	8,0	52	4,4
	С 2 и 3 лошадыми	99	48,1	240	48,3	87	46,4	487	41,4
	С 4 и 5 лошадыми	44	21,3	218	44,8	85	45,4	639	54,0
	Итого:	205	100	494	100	187	100	1178	100
пос. Богоявленский	Безлошадные и с 1 лошадыю	9	36,0	7	15,9	2	11,7	3	3,0
	С 2—3 лошадыми	15	60,0	33	75,1	14	82,3	79	80,6
	С 4 и 5 лошадыми	1	4,0	4	9,0	1	5,9	16	16,4
	Итого:	25	100	44	100	17	100	98	100
пос. Зимницы	Безлошадные и с 1 лошадыю	1	20,0	—	—	—	—	—	—
	С 2 и 3 лошадыми	4	80,0	10	100	5	100	32	100
	С 4 и 5 лошадыми	—	—	—	—	—	—	—	—
	Итого:	5	100	10	100	5	100	32	100

ТАБЛИЦА 4

Количество скота и хлеба в 1733 г. у беглых крестьян, живших в поселке Поим Верхоломовского у. Воронежской губ.

Группы беглых крестьян	Кол-ч. беглых крестьян	% к общему числу	Кол-ч. лошадей	% к общему числу	Кол-ч. коров	% к общему числу	Кол-ч. мелкого скота	% к общему числу	Кол-ч. хлеба в овинах	% к общему числу
Безлошадные и с 1 лошадыю	301	62,3	131	21,4	49	4,9	74	9,0	277	16,7
С 2 и 3 лошадыми	158	32,7	365	59,9	107	55,9	605	55,5	841	50,7
С 4 и 5 лошадыми	23	4,8	113	18,8	40	19,6	391	34,5	542	32,6
Итого:	482	100	609	100	196	100	1070	100	1660	100

Количество скота в 1733 г. у беглых крестьян, живших в поселке Ивановском Керенского у. Воронежской губ. *

Группы беглых крестьян	Колич. беглых крестьян	% к общему числу	Колич. лошадей	% к общему числу	Колич. коров	% к общему числу	Колич. мелкого скота	% к общему числу
Панинская								
Безлошадные и с 1 лошадыю	39	31,9	25	15,0	6	23,0	23	14,7
С 2 и 3 лошадыми	45	48,3	103	56,0	14	53,3	96	61,8
С 4 и 5 лошадыми	9	9,6	38	22,7	6	23,0	37	24,9
Итого:	93	100	166	100	26	100	156	100
Карачаровская								
Безлошадные и с 1 лошадыю	16	44,4	8	13,5	3	21,4	26	15,8
С 2 и 3 лошадыми	17	47,1	39	62,0	8	57,4	84	51,5
С 4 и 5 лошадыми	3	8,2	16	25,5	3	21,4	53	32,4
Итого:	36	100	63	100	14	100	163	100

* ЦГАДА, ф. 324, д. 3, лл. 272—393, 869—1109.

Земледельческое хозяйство однолошадных крестьян не обеспечивало крестьянского двора собственным хлебом и на четверть года, и им приходилось работать по найму. Крестьяне с 2 и 3 лошадыми в пос. Знаменском составляли 46,0% всех беглых крестьян. О степени их обеспеченности говорят следующие показатели. Они владели 60,5% всех лошадей, 54,7% коров, 54,8% мелкого скота, 63,0% молоченого хлеба, 45,8% немолоченого хлеба, 57,4% ржи в посеве. На один крестьянский двор крестьяне этой категории имели коров — 0,7, мелкого скота — 5,7, молоченого хлеба — 15,3 четв., немолоченого в овинах — 1,3 овина, в посеве ржи — 2,4 четв. Крестьяне и этой группы не были обеспечены хлебом на весь год, поэтому среди них также встречались вынужденные работать по найму⁴⁵. Крестьян, имевших 4—5 и более лошадей, было 10,3%. У них сосредоточивалось значительное количество скота и хлеба: лошадей — 25,6%, коров — 25,4%, мелкого скота — 34,2%, молоченого хлеба — 30,0%, немолоченого хлеба — 39,6%, в посеве хлеба — 28,3%.

Показатели хозяйственного положения крестьян указанных категорий в поселке Самодурихе, в сельце Поим, в Ивановском и других селениях по существу были такими же.

Зажиточные беглые крестьяне выделялись среди других крестьян и тем, что держали на откупе предприятия, главным образом мельницы. Среди беглых были крестьяне, занимавшиеся промыслами (кузнечным, портняжным) и мелкой торговлей⁴⁶.

Мы уже отмечали, что у зажиточных крестьян скапливалось значительное количество хлеба, которым они могли и торговать. Так, крестьянин С. Боровков на следствии показал, что «во время переписи ездил он из того села Поим в город Саратов для продажи хлеба». Он имел 4 овина ржи и 4 овина пшеницы, 3 лошади, 1 корову, 6 овец, 2 свиньи⁴⁷.

Сравнительно незначительную группу среди беглых составляли крестьяне, работающие по найму, и нищие. Их было по данным 4 расспросных книг 260 человек (21% к общему количеству дворов).

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 324, д. 1, л. 493.⁴⁶ Там же, лл. 322—323, 324, 601; д. 2, л. 306; д. 3, лл. 402, 1121; д. 4, л. 1034.⁴⁷ Там же, д. 3, лл. 222—223; см. также л. 611.

Из 210 беглых крестьян, работавших по найму, 187 работали у разных своих же беглых крестьян в тех же селениях и 24 крестьянина — в разных местах у разных лиц «поденно и понедельно и всякую работу». Более определенно показал на следствии беглый крестьянин Панинской вотчины А. Мартынов. Он говорил: «живет у беглого господина своего крестьянина брата двоюродного Т. Дмитриева и пашет и всякую работу на него работает»⁴⁸. Некоторые работали на мельницах⁴⁹. Большинство из них работало по найму от 2 до 10 лет, 13 человек — в течение 16 лет, 8 — в течение 21 года и даже доле⁵⁰.

Из обзора экономического положения беглых крестьян по данным указанных 4 книг расспросов видно, что беглые крестьяне по своей хозяйственной состоятельности были неодинаковы: среди них имелись зажиточные крестьяне, хозяева среднего состояния и крестьяне-бедняки, нанимавшиеся на работу или к беглым же крестьянам своего господина или где-либо на стороне.

Зажиточные беглые крестьяне были главными руководителями организации жизни в бегах, стояли во главе мирского управления, собирали деньги с беглых крестьян на покупку земли, на подушную подать, следили за поставкой рекрутов, выдавали паспорта и т. д. — словом, в качестве выборных и старост выполняли те же функции, что и на прежних местах поселения, обеспечивали старый распорядок жизни.

По существу, положение беглых крестьян было таким же, как и крестьян государственных. В течение трех десятков лет беглые крестьяне Черкасского упорно добивались права прочно обосноваться на новых местах поселения в Казанской и Воронежской губерниях. Несмотря на то, что беглые крестьяне дважды подвергались выселению из Казанской и Воронежской губерний, они снова возвращались на те же места.

В 50-х годах граф П. Б. Шереметев, к которому с 1743 г. перешли вотчины князя А. М. Черкасского, принял меры к тому, чтобы в пос. Знаменском Казанской губ. организовать обычную помещичью вотчину. В инструкции 1752 г. своему доверенному человеку Ширяеву граф П. Б. Шереметев писал, почему он это предпринял: «Дабы более крестьяне по разным местам не шатались и за чужими помещиками не жили, а Их Сиятельству далее своих дворов не лишитца и крестьянином на прежних жилищах от платежа всяких государственных податей не приходит за оные во всеконечное разорение». По ярмаркам и «торжкам» Казанской губ. посланы были «поверенные с объявлениями о том, чтобы крестьяне Их Сиятельства, где кто в поторонних местах в укрывательстве и в бегах жительство имеют, на те земли, где прежде были поселки и на прежние угодыя для поселения на их собрались без всякого опасения»⁵¹. В 1752 г. в Знаменском появляются приказная изба, помещичий дом, тюрьма, вотчинная администрация и восстанавливается обычный крепостной уклад. Крепостнические порядки несколько ранее, в 40-х годах юридически были оформлены и в Поимской вотчине.

Через 14 лет, в 1766 г. в пос. Знаменском вспыхнуло восстание, которое продолжалось свыше года. Поводом для него послужили притеснения крестьян со стороны приказчика Подымова. Ожидая ответа на свои челобитные из домовый канцелярии, крестьяне перестали исполнять приказания Подымова, «самовольнишно» не платили податей. В феврале 1766 г. в Знаменское приехал представитель домовый канцелярии Дубровин, чтобы «изследовать» в разных взятках и притеснениях Подымова и провести следствие над «возмутителями»⁵². Когда 9 февра-

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 324, д. 3, л. 625.

⁴⁹ Там же, д. 2, лл. 116, 135, 142.

⁵⁰ Там же, ф. 324, д. 4, лл. 978—980.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 11, д. 384, лл. 1—8.

⁵² Там же, д. 397, лл. 1, 2.

ля Дубровин «на мирском посполитном сходе» объявил крестьянам «послушный указ» Подымову, крестьяне «учинили необычный шум». На следующий день Дубровин вызвал для допроса наиболее влиятельных крестьян К. Зайцева, Пospelова, М. Ильина «с товарищи», но никто из них не явился. А еще через несколько дней крестьяне схватили Подымова и посадили его в вотчинную тюрьму. В дальнейшем восставшие крестьяне добились того, что представители домового канцелярии вынуждены были вести следствие не над восставшими крестьянами, а над приказчиком. Крестьяне сыграли крупную роль и в дальнейшем ходе следствия. Служителя домового канцелярии Афанасьева, присланного в мае месяце 1766 г. в Знаменское с приказом вотчинника «крестьян, которые делают возмущение вотчине, усмирить», они выгнали и заявили, чтоб он «шел в Москву пешком, а подвод де давать не должно»⁵³.

Материалы следствия вскрывают положение крестьян накануне восстания, злоупотребления вотчинной администрации. Крестьянские жалобы, поданные во время следствия над приказчиком, выражены в одной общей и в 26 индивидуальных и групповых челобитных. Наибольшее количество жалоб было направлено против поборов, взяточничества и злоупотреблений вотчинной администрации, против несправного положения крестьян. В жалобах крестьян нашли свое отражение нужды как крестьян последней статьи, так и «лучших».

В апреле-мае 1766 г. восставшие крестьяне сделали попытку организации своей власти в вотчине. 6 мая крестьяне «отрешили от дел» земского Вершкова, который в тайном письме вотчиннику просил для усмирения крестьян военной силы, переизбрали земского, сборщиков податей и, наконец, выборного. Выборным был избран крестьянин Федор Колодезнев, битый кнутом до восстания, один из активных его организаторов. Восстание продолжалось все лето 1766 г. Восставшие добились удовлетворения одного требования: приказчик Подымов был отстранен от должности и заменен другим. В конце августа и в начале сентября 1766 г. удалось, наконец, организовать следствие над восставшими. 14 человек, обвинявшихся в «порицании указов», в «неподчинении графским указам», в произнесении на сходах «противных слов», в выборе новых должностных лиц и принуждении других к тому, в избииении старосты и земского, были заключены «под караул» и наказаны⁵⁴. Таким образом, попытка помещика в 50-х годах организовать в местах побега прочные вотчинные порядки привела к восстанию крестьян.

Итак, бегство крестьян из вотчин князя А. М. Черкасского в первой половине XVIII в., так же как и из владений других помещиков⁵⁵, имело устойчивый массовый характер, охватывало как оброчных, так и барщинных крестьян, направлялось из Московской и Нижегородской губерний, где быстрым ходом шло развитие товарно-денежных отношений, главным образом в Казанскую и Воронежскую губ. Беглые крестьяне принадлежали к разным имущественным группам, бежали не только скудные крестьяне, но и зажиточные. То обстоятельство, что беглые крестьяне, несмотря на правительственные репрессии, отказывались возвращаться на прежние места, говорит о значительном улучшении их хозяйственного положения после того как им удавалось освободиться таким путем от гнета помещика. Однако спустя несколько десятилетий эти крестьяне в условиях России XVIII в. опять попадали в рамки крепостнической эксплуатации.

⁵³ Там же, лл. 3, 86.

⁵⁴ Там же, лл. 82, 83, 94, 96.

⁵⁵ См. П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 95—98, 104 и др.

